

— Это дело Шэнь Ханьфэна, не стоит утруждать Девятитысячелетнего, — Шэнь Ханьфэн отвернулся, не желая продолжать разговор.

В комнате повисла тишина. Лишь когда Сяо У снова вошел, принеся утреннюю трапезу, неловкость была нарушена. Сюй Юньтин не стал расспрашивать дальше, взял миску с жидкой кашей и снова поднес к губам Шэнь Ханьфэна. Шэнь Ханьфэн хотел было сказать, что поест сам, но, вспомнив слова Сюй Юньтина о том, что он его свяжет, да еще и пережив недавнюю неловкую сцену, решил промолчать. Ему оставалось лишь безмолвно открыть рот и позволить Сюй Юньтину кормить себя.

Сяо У уже вышел, в помещении остались только двое: один бережно кормил другого, перед каждой ложкой слегка остужая кашу, а второй послушно принимал пищу. Выражение лица Сюй Юньтина стало мягким, он был в хорошем расположении духа, и вся его аура сменилась с облика холодного и безжалостного бога смерти на образ нежного юноши. Шэнь Ханьфэн чувствовал, как краснеют его уши, а тело напряглось до предела. Он боялся даже дышать, ощущая, как в этой странной атмосфере разливается необъяснимая двусмысленность.

Когда с кашей было покончено, Сюй Юньтин поднес к его губам миску с закусками. А когда он потянулся за супом, Шэнь Ханьфэн наконец отклонился назад и не выдержал:

— Довольно, я больше не могу.

— Хорошо, — Сюй Юньтин отставил суп и невольно позволил уголку губ слегка приподняться, хотя тут же подавил эту улыбку.

Сяо У внес лекарство:

— Господин, отвар для Младшего генерала готов.

— Угу, — сухо отозвался Сюй Юньтин и принял лекарство.

Он зачерпнул ложку, бережно подул на неё и поднес к губам Шэнь Ханьфэна. Сяо У, наблюдая за этой сценой, вздрогнул, быстро развернулся и поспешил закрыть за собой дверь. Матушки мои, такой господин просто страшен. К тому же, неужели у господина действительно есть подобные наклонности? Если в борделе Цуйсянь это можно было списать на случайность, то, судя по поведению со вчерашнего дня... Боже мой! Неужели правда? У господина и впрямь тяга к мужской любви? Сяо У почувствовал, что докопался до истины, плотно зажал рот ладонью и бросился прочь. Ему нужно было остыть.

Скармливая лекарство по ложечке, Сюй Юньтин достал из корзинки с едой два засахаренных плода и поднес к губам Шэнь Ханьфэна. Тот очень хотел проявить твердость и заявить, что уже давно не ребенок, но горечь, растекающаяся во рту, и искушение сладостью заставили его открыть рот. Сладость приятно разлилась по языку, Шэнь Ханьфэн довольно прищурился. Никто не знал, что Младший генерал Шэнь, слывший среди людей железным воином, обожает сладкое. Ему нравилось ощущение, когда сладость заполняла рот — казалось, будто и жизнь становится не такой горькой.

Сюй Юньтин, глядя на его выражение лица, напоминающее кота, укравшего рыбу, едва заметно улыбнулся.

— Ну вот и всё, отдыхай, с кровати вставать нельзя.

Шэнь Ханьфэн покачал головой:

— Мне нужно вернуться в резиденцию, там есть дела.

— После того как из ран извлекли зазубрины, всё твоё тело превратилось в кровавое месиво, да и состояние коленей ты должен осознавать сам. Если хочешь стать калекой и больше никогда не ходить нормально — тогда возвращайся.

— Благодарю, Девятитысячетный, но... — Шэнь Ханьфэн закусил губу, — мне нужно заступить на службу у городских ворот, не буду больше доставлять неудобств.

Он вовсе не хотел остаться калекой, но приказ того человека уже отдан, и если он не явится, тот наверняка ещё больше в нём усомнится.

Сюй Юньтин непререкаемым тоном произнес:

— Поправляйся здесь со спокойной душой. Я уже объяснил всё Императору и попросил для тебя отпуск на несколько дней.

Шэнь Ханьфэн побледнел:

— Император... что сказал Император?

Он настолько дорожит мнением Чжоу Ичэня? Лицо Сюй Юньтина помрачнело, а голос стал холодным:

— Император сказал, чтобы ты спокойно восстанавливался, а когда раны заживут, тогда и приступал к службе.

Услышав это, Шэнь Ханьфэн поник и, не теряя надежды, спросил:

— Он узнал о моих ранах?

Увидев, что Сюй Юньтин кивнул, сердце Шэнь Ханьфэна окончательно ушло в пятки. Он уже знает о его ранах, но всё ещё не верит ему? Что ж, раз доверие отдано не тем, к чему упорствовать? Он всегда был человеком, живущим в аду. Однажды ухватившись за лучик света, он хотел удержать его изо всех сил. Но раз удержать не удалось, значит, суждено вернуться в ад. Отныне государь останется государем, а подданный — подданным. Пути их разойдутся. Ему лишь остается исполнять свой долг верноподданного.

Сюй Юньтин не понимал, что именно произошло, но, видя, как меняется лицо Шэнь Ханьфэна, мог догадаться о многом. Он нахмурился и позвал Сяо У, но вошел Сяо Лю.

— Господин, не знаю, куда делся Сяо У. У вас есть поручение?

— Сходи в мой кабинет, принеси несколько книг по военному делу.

— Слушаюсь, господин.

Сяо Лю ушел, а Сюй Юньтин сказал Шэнь Ханьфэну:

— Ты только пришел в себя, наверняка не уснешь. Я велел Сяо Лю почитать тебе военные трактаты, а мне нужно заняться делами.

— Идите, не беспокойтесь обо мне.

Когда Сяо Лю принес книги, Сюй Юньтин распорядился:

— Сядь у кровати и читай Младшему генералу вслух. Следи за ним, не позволяй лишний раз двигаться, а тем более вставать.

Сяо Лю про себя ворчал, но внешне сохранял почтительность:

— Слушаюсь, господин. Будьте спокойны, я позабочусь о Младшем генерале.

Сюй Юньтин кивнул, вышел из комнаты, распорядился подготовить карету и отправился во дворец.

Чжоу Ичэнь находился в Императорском дворце, слушая доклад евнуха Ли:

— Император, Командующий Шэнь не покидал Резиденцию тысячелетия, полагаю, он до сих пор там.

Голос Чжоу Ичэня стал холодным, словно иней:

— Ты хочешь сказать, что он провел у Юньтина всю ночь?

Евнух Ли согнулся ещё ниже:

— Император, Командующий Шэнь вчера потерял сознание, говорят, у него был жар, должно быть, он до сих пор не поправился.

— Докладываю, Император, Девятитысячелетний прибыл во дворец, — доложил вошедший евнух.

Чжоу Ичэнь махнул рукой и опустил голову к бумагам. Вскоре Сюй Юньтин толкнул двери и

вошел:

— Приветствую Императора.

Чжоу Ичэнь отложил доклад:

— Зачем пожаловал во дворец? Что-то случилось?

Евнух Ли принес стул, Сюй Юньтин сел:

— Да, действительно, есть дело.

— О? Какое же? Говори, я слушаю.

— Вчера, как только я покинул дворец, Командующий Шэнь потерял сознание. У него был сильный жар, поэтому мне пришлось забрать его к себе. Лекарь Фан осмотрел его и обнаружил, что всё тело иссечено кнутом с зазубринами — есть как старые, так и новые раны. Зазубрины до сих пор внутри, раны не обработаны, а оба колена превратились в кровавое месиво и сильно опухли. Лекарь Фан сказал, что ему нужен строгий постельный режим, иначе он может остаться калекой.

— Что? — Чжоу Ичэнь широко раскрыл глаза, полные недоверия. — Настолько серьезно? Откуда у него раны от кнута, и что случилось с коленями?

— Я не знаю, но лекарь Фан сказал, что он годами получал травмы и не лечился должным образом, что подорвало его здоровье. Если он не начнет заботиться о себе сейчас, боюсь, он не доживет до старости. Поэтому я пришел сообщить вам, Император, и попросить для него отпуск на некоторое время.

— Что ты сказал? — лицо Чжоу Ичэня, который всегда умел скрывать свои чувства, исказилось от потрясения. Он резко встал со своего места.

<http://bllate.org/book/21868/2270074>